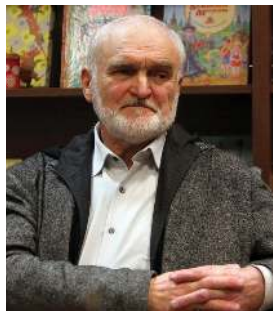

28 января 2020 года будет отмечаться юбилейная дата – 200 лет со дня открытия Шестого Континента русской экспедицией под руководством наших героических соотечественников Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева.

Журнал «Берега» продолжает серию публикаций, посвящённых 200-летию открытия Антарктиды, рассказом Сергея Воробьёва, участника 21-й САЭ и зимовки на ст. Новолазаревская из его книги «По ту сторону Земного шара»

Сергей Воробьёв

Воробьёв Сергей Павлович родился в Ленинграде. Автор нескольких книг прозы, вышедших в издательствах «Светоч» и «Алетейя». Председатель рижского Общества литераторов «Светоч». Член Союза писателей России с 2011 года. Редактор и составитель литературного сборника «Русская проза. XXI век».

Мирный, разгрузка

Десять суток перехода в Мирный растворились в бесконечности нашего длинного рейса, прошли, как миг, не оставив сколько-нибудь заметного следа в истории. Но, тем не менее, в конце января мы закрепились на ледовых якорях, врытых в припайный лёд, тянущийся на юг до границы материка – до берега Правды. Так назвали первопроходцы обрывающийся в море ледник, лежащий на каменных выступах континентальных пород. На них и была построена в 1956 году первая советская южно-полярная обсерватория Мирный.

Район расположения Мирного оказался в итоге не совсем удачным по причинам, речь о которых пойдёт ниже. Когда в 1956 году выбирали место для первой советской антарктической станции, первооткрывателям место показалось удобным. Станцию расположили в живописной лощине между двумя вытянутыми сопками. Посёлок строили быстро, с учётом богатого опыта строительства наших северных поселений и дрейфующих полярных станций в районах северного полюса. Планировка посёлка напоминала деревенскую застройку: один ряд домов напротив другого, между ними улица, названная нашими первопроходцами именем Ленина, в конце улицы на высокой тумбе – гипсовый бюст вождя, выкрашенный белой масляной краской. На окраине с противоположной стороны, ближе к барьеру, разместили радиоцентр, дизель-электростанцию (ДЭС), мастерскую и гараж. Никто не мог тогда предсказать, что станцию с «головой» занесёт снегом. Выросший в хорошо продуваемой лощине посёлок явился как бы плотиной для несущегося в ветровых потоках снега. И он стал постепенно заполнять пространство между сопками, пока не заполнил лощину до краёв. Через 20 лет дома оказались под 8-метровым слоем спрессованного снежного фирна.

Но к настоящему времени на остатках выходных коренных пород, которые не были занесены снегом и представляли чистые моренные участки, уже давно построены двухэтажные жилые и служебные комплексы, склады и новая ДЭС. Мирный пережил второе рождение. А старый, погребённый под снегом посёлок ввиду аварийного состояния стал необитаем и лежит теперь на дне каменной лощины, как древнее поселение под культурным слоем.

У читателя не должно остаться впечатления, что жители Мирного из года в год пассивно наблюдали за скапливанием снега в уютившей их лощине и не предпринимали никаких мер от частых заносов. Напротив, предпринимались самые энергичные меры. После метелей и пурги устраивались авралы, вручную и бульдозерами методично расчищались снежные наносы. Но ветры со снежными зарядами всё-таки оказались более энергичны и настойчивы, и улица Ленина из года в год приподнималась над домами вместе с гипсовым бюстом вождя мирового пролетариата, пока не легла над крышами и не сравнялась с окружающим ландшафтом. А бюст Ленина как бы царил над снежной

пустыней, где совсем ещё недавно была жизнь, движение и люди. И это было очень символично. Но люди не сдавались. В крышах погребённых домов прорубались входные люки, так как это было самым удобным и коротким путём из жилища на волю и обратно. Полярники зажили норной жизнью. По мере роста снежного покрова над люками росли и входные шахты, которые обшивались досками и фанерой, а внутри сооружались деревянные лестницы. Сверху шахты закрывались крышками – те же двери, но в горизонтальном исполнении. Поэтому над станцией возвышались только тамбучины шахт и приёмно-передающие антенны радиостанции.

В таком доме, погружённом глубоко в снег, было уютно и хорошо полярной ночью, когда наверху мело частыми метелями, достигающими порой ураганной силы. Фиксировались порывы ветра до сорока и более метров в секунду. Главное, конечно, что не надо было больше убирать снег. Нужно было просто постепенно, по мере роста снежного наста, надстраивать вертикальные шахтные лазы для выхода во внешний мир.

В летний период, когда на улице светило незаходящее солнце, эти дома были не столь уютны. Верхний подтаивающий снежный свод проседал, давил на крыши, испытывал дома на прочность. Из-за этого в помещениях наводили подпорки из брёвен и толстых досок, и, спустившись в такой дом по длинному вертикальному стволу, можно было подумать, что попал в шахту. Талые воды пробивали себе пути сквозь толщу снега и просачивались через потолок в виде частых капелей. Приходилось всюду ставить вёдра, тазики, сооружать импровизированные отводные желоба. Места для коек выбирали в относительно сухих местах, но всё равно: если не капало на голову, то обязательно капало на ноги (тогда-то и сооружался отводной жёлоб, и вода отводилась в сторону и сливалась в ближайшее ведро). Единственный положительный результат этих фильтраций состоял в том, что при них повышалась влажность воздуха, которая в зимний период не превышала 20 – 25%. А при такой влажности дома высыхали и становились сверхпожароопасными. Зимой такой дом от случайной искры может вспыхнуть, как порох, и сгореть в считанные минуты. Так и случилось в один из трагических дней существования станции. Обитатели вспыхнувшего дома не успели даже добежать до лаза.

В островном архипелаге Хасуэлл, что напротив Мирного, есть два небольших острова, названных именами погибших на пересменке 1-ой и 2-ой Экспедиции полярников – это острова Буромского и Зыкова, на которых нашли своё последнее пристанище не только жертвы этого пожара. Антарктида не отпускает просто так ступивших на её «хребет» неусидчивых людей. Почти каждая экспедиция кладёт на жертвенный алтарь далёкого Материка своих представителей. Судьба выдёргивает их из сонма живых по каким-то своим прихотливым и не понятным для нас законам.

Конечно же, станция не рассчитывалась на подснежное обитание. (Все коммуникации тоже остались под снегом, и доступ к ним был отрезан, что создавало дополнительные трудности.) Но люди всё равно жили, работали, побеждали. Мирный был и остаётся нужным, наперекор всем неблагоприятным факторам. Это был фронт, на котором решались неотложные задачи науки. Это и сейчас фронт, но более выдержанный и устоявшийся в борьбе со стихиями, окрепший и набравший новую силу. Мирный долгое время оставался основной стартовой базой для обеспечения внутриконтинентальной станции Восток. Сейчас такой базой стала относительно новая станция Прогресс.

Очень долго от первой станции оставался в нетронутым виде указательный столб, закреплённый на моренном участке в условную черту южного полярного круга: четыре стрелки на север и одна на юг:

Ленинград 14931 км

Москва 14402 км

Южный полюс 2503 км

С Б. 1991 14937 км

Париж 14001 км

С Б. 1991 – это сберегательный банк № 1991 на углу Невского проспекта и улицы Бродского в Ленинграде, где полярники открывали свои лицевые счета, на которые каждый месяц аккуратно приходили отчисления, положенные за зимовку. (Из этого напрашивается вывод, что материальные стимулы играют далеко не последнюю роль в выборе дальних дорог.) Сейчас этот столб заменили на новый с более подробными указателями, из которых явствует, что на Москве и Париже свет клином не сошёлся, а вожделенный банк сменил свою дислокацию, также как и время сменило названия многих городов и улиц. И Ленинград опять стал Санкт-Петербургом, а улица Бродского – Михайловской. И, как ни странно, случилось это в 1991 году. Именно это число (номер банка) значилось на стрелке.

Свои столичные права Мирный потом передаст Молодёжной. Но всё равно, как научный центр и как аванпорт для обеспечения станции Восток, Мирный держал за собой ещё долгое время. Однако, он всё так же остаётся неудобным для подхода обеспечивающих судов, всё так же район этот остаётся коварным из-за частых трещин и сбросов выходных ледников в океан. Да, в этих местах довольно активно «делаются» айсберги. Иногда ветра и течения собирают их в обширные белые города с узкими и широкими улицами-проходами, сложными перекрёстками и тупиками, и судам, подбирающимся к Мирному, приходится лавировать в этих импровизированных улицах, как в лабиринте. Если у станции держится припайный лёд, то задача облегчается, так как опыт выгрузки на припай и переброска людей и грузов на материк отработаны ещё с первой экспедиции и не вызывают больших опасений. Но если припайный лёд уходит в океан, тогда крутой и высокий ледяной берег, за которым стоит Мирный, представляет серьёзную проблему для швартовки судов и выгрузки грузов на материк. Бывали случаи, когда верхняя кромка барьера обламывалась и вместе с ней с высоты 20 – 30 метров падали люди, грузы, техника. Из этих переплётов не все выходили живыми.

Более пологий берег находится у сопки Ветров, но он тоже далеко не идеален для причаливания. Выручает остров Строителей, куда выгружают по большей части крупногабаритный груз, а при установлении припайной перемычки, уже в зимний период, грузы эти переправляют в Мирный при помощи тягачей.

Ледовая и навигационная обстановка у береговых районов Антарктиды непредсказуема и меняется из года в год. И только благодаря опыту, самоотверженности и настойчивости, экипажам судов и зимовочным отрядам удаётся порой в невероятных условиях выходить из трудных, казалось бы, безвыходных ситуаций, осуществлять сложные манёвры среди айсбергов, прорубаться в массивных ледяных полях, осуществлять погрузку и выгрузку в очень специфических условиях.

Можно себе представить в каких невероятно сложных ситуациях оказывались деревянные парусные суда «Восток» и «Мирный» в 1820 году, когда впервые в истории подошли к берегам Антарктиды. А ведь тогда не было ни точных навигационных приборов, ни гребных винтов, приводимых в движение мощными судовыми машинами, ни воздушной ледовой разведки, ни спутниковой информации, ни радиосвязи. Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев – командиры легендарных шлюпов – со своими блестящими экипажами совершили беспримерный исторический подвиг и навечно внесли свои имена в списки великих первооткрывателей.

В 1973 – 1974 годах капитан обеспечивающего судна «Профессор Зубов» Октавиан Витольдович Андржеевский, имея за плечами немалый ледовый опыт, выходил, например, из неудобного положения следующим образом. Он подыскивал ближайший к искомой станции плавающий айсберг, который давал возможность удобно швартоваться и был не очень старым (старый, подточенный снизу течениями, мог в любой миг перевернуться), и использовал его, как посадочную площадку для вертолётчиков, которые оперативно совершали все транспортные операции, связанные с переброской людей и груза. Покидая такой айсберг, экипаж обязательно водружал на нём советский флаг.

Айсберг, плывущий под красным флагом, конечно, удивит редкого в тех водах мореплавателя. Но не менее удивится он, если повстречает вдруг айсберг с вмёрзшими в него строениями, как на музейном макете. Такой айсберг был встречен в море в 1963 году американцами. Их соотечественник Бэрд в 1947 году на шельфовом леднике организовал южно-полярную базу Литл Америка. (Позже база была законсервирована.) Постройки постепенно покрылись многометровым слоем снежного фирна, а потом откололись от коренных льдов вместе с айсбергом, который и был встречен впоследствии американским ледоколом. Больше этот айсберг никто не встречал. Возможно, он постепенно растворился в южно-полярных водах, растаял под солнцем, подмываемый снизу заблудшими туда тёплыми течениями. И база Литл Америка таким образом была предана морю.

От Мирного тоже в своё время откололся солидный кусок. Место скола пришлось по складу и механической мастерской, которые буквально разорвало пополам. Остатки строений повисли над 20-метровым барьером. Откол произошёл ночью, когда в основном все спали. Жертв, по счастью, не было. Но проснулись все, так как рождение айсберга сопровождалось звуком, похожим на залп гаубичной батареи.

Наша планета всеядна, она поглощает всё без разбора. Деятельность её внутренних и внешних сил, проявляемых порой незаметно, направлена на некое обновление, а, может быть, даже и на созидание. Но в этом созидании-обновлении присутствует параллельный и непрекращающийся процесс утилиза-

ции всего отмирающего и отжившего, а также всего того, что не вписывается в естественную деятельность природы. Всё, созданное человеком (то есть вторая природа, которая, наверное, всё-таки враждебна первой), существует до тех пор, пока сам человек поддерживает существование своих творений. Уберите людей. И сами начнут рушиться города: от эрозий, дождей, ветров, землетрясений, оползней, селей, вулканической деятельности, наводнений, от наступления животного и растительного мира, от вмешательства бактерий и простейших организмов, – и всё перемешается, съестся и перемелется. Уже уходят в утробу планеты первые постройки советской антарктической станции Мирный, станций Пионерская, Комсомольская, Лазарев, Элсуэрт, в солёной воде океанов, как в желудочном соке, «переварилась» Литл Америка. Мы с вами, читатель, тоже не избежим этой участи.

Нас уже пятеро суток дождался наш брат-близнец «Василий Федосеев». Разгрузка на нём шла полным ходом. Вываленные за борт грузовые стрелы с туго натянутыми телефонами всё время майнали разного рода грузы: бочки, ящики, палеты с горками упакованных и затаренных продуктов, кислородные и ацетиленовые баллоны в связках, научный скарб в стропальных сетках. Мы тоже последовали его примеру. Опять были скомплектованы разгрузочные бригады для круглосуточной работы в три смены. В работах участвовали все кроме капитана. Капитан считался фигурой неприкасаемой и почти не видимой. За три месяца моего пребывания на «Маркове» я видел его один только раз. И то мельком и случайно. Так что его незримый образ приобрёл для меня почти мифическое значение.

Под борт подошли два трактора со срезанными кабинами. За тракторами в одной сцепке находились волокуши с пустыми металлическими контейнерами. Два водителя-тракториста в кожаных костюмах топтались рядом. Они были похожи на больших императорских пингвинов, отбившихся от стаи. Фигуры трактористов в блестящей на солнце коже, казалось, хаотично передвигались по замкнутому пятаку, как в японском театре «Кабуки», где жесты, мимика и позы несут в себе сложную смысловую нагрузку, не понятную примитивным европейцам. Я долго наблюдал за этой немой картиной и, наконец-то, в позе одного из трактористов уловил нечто мне близкое и почти родное. Да-да, я не мог ошибиться. Это был Боря Ткачёв, легендарный рассказчик самых невероятных историй и мой сосед по кубрику на «Василии Федосееве».

– Боря!!! – заорал я.

Боря стал озираться по сторонам и только после моего повторного рыка, наконец, поднял голову вверх. По выражению его глаз я сразу мог догадаться, что он плохо ориентировался, кто кричит, зачем кричит, и кому вдруг он мог потребоваться после очередного тридцативосьмикилометрового перехода под незаходящим южным светилом.

– Боря, чего топчешься там, как неприкаянный? Забирайся сюда, блудный сын!

Ничего ещё толком не понимая, повинувшись инстинкту Адама, – раз зовут сверху, надо лезть, – Боря подошёл к свисавшему с полубака на лёд шторм-трапу, поставил ногу на нижнюю балясину и медленно и тяжело стал поднимать своё измотанное в тракторных переходах тело. Шторм-трап качался, извиваясь, как змея, а Боря медленно, но упорно, словно нелепый клоун в мешковатых кожаных одеждах, взбирался под несуществующий купол цирка. Взбирался без аплодисментов, без восторженных взглядов зрителей, без надежды кого-то удивить или насмешить. Я принял его наверху, помог перевалиться через фальшборт, обнял, потряс, и только тогда он узнал меня.

– А, Палыч! Сколько лет!

– Да всего-то чуть более месяца.

– Точно. А я будто три года на лесоповале отгрохал без сна и отдыха. Работа счас такая. Как пришёл сюда пять дней назад, так с трактора и не слезаю. Прикорнёшь на пару-тройку часов и то во сне рычагами ворочаешь, будто трактор по припаю ведёшь. А дороги здесь, бляха-муха, не простые. Уже две подвижки было. Не успеваешь мосты через трещины наводить. Она – брёвна с собой всё время возим. Разгрузим вас, полегче будет.

Он посмотрел в необъятное белое пространство, из которого появился. Следы гусеничных траков уходили в бесконечность, терялись в морозных километрах монотонного пути с наведёнными где-то по ходу перекидными мостами из толстых брёвен. Скуластое и немного худощавое лицо моего товарища было сильно опалено ультрафиолетом незаходящего летнего солнца: губы потрескались и вспучились кровавыми кратерами, глаза, как смотровые щели танковых бойниц, ввалились и японски сузились. Его напарник казался крепче. Для защиты от всепроникающего ультрафиолета он пользовался старым проверенным приёмом: замотал своё лицо белым вафельным полотенцем,

оставив узкий прогал для глаз, прикрытый светозащитными очками в пластмассовой оправе. Они, действительно, напоминали действующих лиц из театра «Кабуки», из-под которых внезапно выбили сцену, и они оказались в необъятном белом мире другой планеты.

– Вам надо скафандры выдавать, как космонавтам, – пожалел я Борю, – сторгите от радиации.

Боря только вяло махнул рукой и с трудом улыбнулся.

– Пройдёт, не впервой, – оптимистично заключил он, – просто надо заматывать лицо. – А я, как всегда, работой увлёкся. Вот и результат.

– Ладно! Соловья баснями не кормят. Для начала могу предложить тебе супцу из кроличьих потрохов. Мы только что отобедали, второе, наверное, уже всё съедено. А вот австралийский фирменный супец наверняка остался.

– Предложение своевременное. Думаю, не повредит.

Боря осторожно вливал в себя суп, обильно сдобренный почками, сердцем и печёнкой бедного австралийского кролика. Ел он с аппетитом, но воспалённые губы не давали ему в полной мере насладиться блюдом, которое для нас было уже повседневным и приевшимся.

– На второе у меня есть для тебя хорошее полено настоящего красного дерева, – предложил я.

Боря с недоумением посмотрел на меня.

Я пояснил:

– Помнишь, ты рассказывал, как один резчик из Ганы, где ты оказался с особым поручением от Министерства культуры, учил тебя искусству резьбы по чёрному и красному дереву?

Боря скосил глаза в сторону – чувствовалось, что не помнил.

– Ну и... – произнёс он

– И с тех пор, – продолжил я, – у тебя созрела мечта вырезать из красного дерева ритуальную маску, надев которую можно взывать к вечным духам Земли, предсказывающим наше будущее и видящим далёкое прошлое.

– Я надеюсь, объёма взятого мною материала тебе должно хватить.

Боря стукнул себя ладошкой по лбу:

– Вспомнил! Это ты вовремя подвёз. Но, честно говоря, не ожидал.

– Дело случая, – как бы оправдывался я, – сам не ожидал, что подвернётся такое богатство. И главное, никому не нужное. Кроме тебя, конечно. Так что считай, как по заказу.

Будучи в Австралии, куда мы заходили за продуктами, я натолкнулся рядом с нашим причалом на груды старых деревянных шпал, которыми ещё недавно была выстелена железнодорожная колея. Меня удивил их красноватый цвет. Оказалось, что красное дерево они в своё время использовали для прокладки рельсового полотна. Оно очень стойкое и долговечное. И я подумал, почему бы мне не прихватить с собою парочку наиболее хорошо сохранившихся шпал для осуществления давней мечты Бори Ткачёва?

Я пригласил его в свою каюту, где Валера, идущий с нами на станцию Молодёжная, сразу же предложил:

– А не оседлать ли нам «Катти Сарк»?

И он из рундучных закров вынул красивую бутылку с нарисованным на этикетке парусником, бегущим на всех парусах по маршруту чайных клиперов XIX века.

– Последняя, – добавил он, – из Австралии. За десять дней ящика как не бывало, вот одна только и завалилась...

– Нет, – твёрдо возразил Боря, – мне ещё двадцать миль по припаю пилить, у меня башка и так плохо соображает от напряжения.

Он со всех сторон осмотрел кусок старой шпалы, потом другой, приложил его к лицу и выбрал тот, который побольше.

– В самый раз будет. А вот этот оставь себе. Вырежешь из него какого-нибудь деревянного истукана, отполируешь, гуталинчиком натрёшь до благородного блеска и будешь выдавать за произведение народного африканского творчества. Такие истуканы, знаешь, сколько в Гане стоят? – Целое состояние. Никакой валюты не хватит.

– Нет, Боря! Не хочу брать на себя лишнюю обузу. Мне уже здесь подарили малый набор художника: кисти, краски, бумагу. А я так толком ничего и не нарисовал. Если не считать двух набросков-копий с готовых репродукций – одну с картины Саврасова «Грачи прилетели», а другую из журнала

«Penthous». Но чтобы не вгонять тебя в дурное настроение, я тебе их не покажу. Так что забирай весь материал и режь себе на здоровье.

Но Боря наотрез отказался забирать второе полено. Я не стал больше настаивать и положил его рядом с валериным диваном.

– Если что, будешь занюхивать свой австралийский ром. И от чертей отмахиваться тоже сподручно, если до белой горячки допьёшься.

– Только нас, чур, за чертей не прими, – добавил мой сосед по каюте.

Валера расплылся в благодушной улыбке с благорасположением принимая наш грубый морской юмор.

Я с сожалением прощался с Борей. Услышать от него какую-нибудь бесподобную историю из его насыщенной событиями биографии мне, конечно же, больше не удалось. Слишком короткой была наша встреча, и слишком усталым был рассказчик, чтобы из закровов своего подсознания, тесно переплетённого с жизненными реалиями, вынести на свет божий нечто несусветно-фантазийное.

– Боря, – вдруг вспомнил я, – а где твой «Рыцарь в тигровой шкуре»? Ты ведь никогда с ним не расставался.

– Рыцарь? – задумчиво затянул Боря.

Он остановился у фальшборта, где свисал на капроновых канатах шторм-трап, посмотрел в мутно-белое безбрежье снегов, в ту сторону, где находилась Земля его юношеского обета, и спёкшимися губами медленно и членораздельно произнёс:

– Этот витязь, походил бы он в моей шкуре, давно бы уже обд...ся от такой жизни и волком бы взвыл от тоски и бесприютности. Оседлал бы он моего железного «скакуна», который в любую минуту может разом под лёд ухнуть, узнал бы тогда, почём фунт лиха, и откуда задние ноги у тигров растут.

Такой тирады, честно говоря, я от него не ожидал.

Боря уже собрался перелезть через фальшборт, поднял высоко правую ногу, лёг животом на планшир и вдруг остановился в этой позе и произнёс с выражением:

Разве муж достоин чести, коль он бед не поборол?

Неприлично от несчастий убежать в соседний дол!

Потом громко рыгнул и добавил:

– Хорош был супец! Такого и в ресторане не подадут.

Пустые контейнеры, стоявшие на волокушах под бортом нашего судна, уже загружали продуктами. Боря спустился вниз, принял от меня полено красного дерева, которое я спустил ему следом на бросательном шкерте, и пошёл к своему трактору пружиняще-покачивающейся походкой, как астронавт на Луне к своему ракетному модулю.

Через 30 лет я позвонил Боре и предложил встретиться, чтобы передать ему мои воспоминания, вылившиеся на 300-ых страницах убористого текста моей первой книги. Вид у него был уже далеко не космический, и тремор в руках выдавал более пристрастие к огненной воде, чем к стамескам и штихелям резчика по дереву. Дух авантюризма, когда-то игравший таинственными бликами на его скулах, явно поугас, а само лицо стало походить более на ритуальную маску малоизвестного племени западного африканского побережья, куда Боря, по его же словам, часто заходил на судах Дальневосточного пароходства.

– Работы много, – пояснял он, как бы оправдываясь, – перенапряг. Да и возраст, сам понимаешь. Вибрации души в итоге передаются и рукам. А за книгу спасибо. Не думал, что буду отражён в истории. Никто ведь не знает, что он оставляет на Земле после себя...

– По следам ищите нас, – отвечивал я. А где и как ты наследил, тебе, наверное, лучше знать.

– Лучше знать..., – шёпотом зашуршал Боря мне на ухо, потом сделал непродолжительную паузу и уже громко, голосом пророка, закончил: – Ему!...

И он многозначительно «постучал» дрожащим, поднятым вверх, пальцем в далёкое невидимое небо.